Общественная опасность как категория уголовного права: теоретико-правовой анализ

Сорокин Алексей Иванович
кандидат юридических наук, кафедра уголовного права и криминологии, Орловский юридический институт МВД России им. В.В. Лукьянова, sorokinlex@gmail.com

Содержание общественной опасности в российском уголовном праве до сих пор остаётся недостаточно определённым. Множество дел по преступлениям небольшой и средней тяжести возвращаются прокурору вследствие ошибок квалификации. В связи с этим отчётливо обозначается необходимость теоретико-правового осмысления данной категории. В доктрине, впрочем, сохраняются серьёзные противоречия. Объективисты сводят опасность к вредным последствиям; представители системного подхода делают её производной от совокупности признаков состава; сторонники социологической концепции отождествляют её с любой социальной вредностью. По существу, это весомо затрудняет разграничение преступлений и административных правонарушений. Цель в статье – раскрыть структурные элементы общественной опасности и выработать предложения по повышению точности законодательных формулировок. В работе привлекается сравнительно-правовой материал: немецкая доктрина правового блага, французская типология правонарушений, американская дискуссия о чрезмерной криминализации. В итоге обосновывается тезис о не тождественности социальной и уголовно-правовой опасности. Предлагается ввести в ст. 14 УК РФ перечень формализованных критериев (масштаб возможного вреда, способ совершения, степень публичности). Авторский вклад проявляется в предложении интегральной концепции, где формальные признаки сочетаются с оценочными параметрами. Материалы будут полезны судьям и прокурорам при разграничении деликтов.

Ключевые слова: общественная опасность, правовое благо, преступление, тест пропорциональности, уголовная ответственность, уголовное право.

Введение

Общественная опасность – категория, без которой немыслима система уголовного права как таковая. Именно она служит отправным пунктом для отграничения преступления от иных противоправных деяний. Впрочем, невзирая на кажущуюся очевидность, содержание данного понятия остаётся одним из наиболее дискуссионных в отечественной доктрине. По-видимому, это объясняется как сложностью самого объекта правового регулирования, так и исторически сложившейся неопределённостью в методологии уголовно-правовой науки.

Ретроспективно вопрос о природе общественной опасности прошёл путь от политико-юридических конструкций эпохи абсолютизма, где репрессия оправдывалась «государственной необходимостью», к классическим теориям XIX века, которые связали криминальное запрещение с нарушением правового порядка. Между тем, в советский период доминировал социологический подход: характеризуемая категория понималась, главным образом, как социальная вредность деяния, что неизбежно приводило к её отождествлению с политической целесообразностью уголовной репрессии.

В настоящее время наблюдается тенденция к возвращению правовой, или, точнее, догматической парадигмы, однако чёткого консенсуса относительно критериев уголовно-правовой опасности так и не выработано. В дополнение к отмеченному, современные вызовы (цифровизация, биотехнологии, транснациональная преступность и т. д.) ставят перед теорией вопросы, на которые классическая доктрина ответить не в состоянии. Как, например, оценить угрозу дипфейков или манипуляции массовым сознанием через нейросети? Традиционные параметры и метрики здесь оказываются недостаточными.

В рамках данной статьи предстоит решить ряд взаимосвязанных задач: раскрыть историко-правовые истоки понятия; исследовать современные подходы к его содержанию; провести сравнительно-правовой анализ; на основании выявленных тенденций сформулировать конкретные рекомендации по усовершенствованию российского законодательства. Предметом анализа служат нормы Уголовного кодекса Российской Федерации, а также положения зарубежного права и обобщения судебной практики.

Материалы и методы

Исследование категории «общественная опасность» в современной юридической науке ведется с позиций нескольких методологических подходов, которые отражены в изученном при подготовке статьи массиве литературы.

Так, фундаментальный онтологический и философско-правовой подход, ориентированный на поиск сущностной природы характеризуемой категории как правового явления, представлен в работах С.С. Босхолова, В.А. Номоконова [2], Т.Н. Бессаловой [1], В.В. Хилюты [8, 9], Д.В. Мирошниченко [6]. Ряд авторов, например, И.С. Землюков [3], Д.Н. Зорин, Н.С. Зорина [4], применяют прикладной казуальный метод, анализируя общественную опасность применительно к конкретным видам новых и традиционных угроз (киберпреступления, наркопреступность). Теоретико-критический ракурс ярко выражен в труде Н.А. Лопашенко [5] (автор ставит под сомнение саму возможность объективной верификации данного понятия), а также в рецензии V.E. Munro [11] на проблемы избыточной криминализации. В свою очередь, Ф. Хужамбердиев [10] задействует компаративно-институциональный подход, выходя за рамки уголовно-правовой догматики в плоскость обеспечения общественной безопасности.

Обзор материалов продемонстрировал явный доктринальный кризис: категория общественной опасности, которая традиционно считалась незыблемым «фундаментом» уголовного

права, сегодня подвергается ревизии. Исследователи все чаще констатируют разрыв между абстрактными законодательными дефинициями и субъективным правоприменением, особенно на фоне появления новых высокотехнологичных деликтов. Привлечение именно упомянутых выше публикаций аргументируется их репрезентативностью – они дают возможность проследить эволюцию академической мысли от классических попыток определить онтологию опасности к острому скептицизму относительно измеримости этого критерия.

Методологическая база исследования включает общенаучные (диалектический, историко-правовой, логико-семантический) и специально-юридические методы (догматический анализ, толкование норм, сравнительное правоведение).

Результаты и обсуждение

Понятие общественной опасности в российской доктрине уголовного права не имеет однозначного определения. Одни авторы склонны видеть в нём сугубо объективное свойство деяния, которое выражается в способности причинить вред охраняемым уголовным законом интересам [2, 7]. Другие настаивают на системном характере данного признака (опасность проявляется лишь в совокупности всех элементов состава преступления) [3, 6, 9]. Впрочем, обе позиции имеют как сильные, так и уязвимые стороны.

В классическом объективном подходе общественная опасность связывается с посягательством на объект преступления [4, 5, 8]. Здесь акцент делается на антиобщественной направленности деяния, на его объективном потенциале причинить ущерб. Коротко говоря, опасность – это не субъективное переживание, а внешняя характеристика поведения. Между тем, описываемая концепция сталкивается с очевидной трудностью: с помощью неё не объясняется, почему покушение, не причинившее реального вреда, сохраняет статус преступления.

В отличие от объективистской модели, системный подход сопряжён с тем, что характеризуемая категория – это свойство, которое присуще всему составу в целом [8]. По сути, она не сводится к одному элементу: важен и объект, и субъект, и объективная сторона, и субъективная. Вследствие этого подытожим, что данная характеристика носит интегральный характер. Однако здесь возникает иная проблема – появляется риск тавтологии. Если общественная опасность есть результат совокупности признаков состава, то она, по существу, дублирует само понятие преступления. Разумно предположить, что такое определение не добавляет методологической ценности.

По-видимому, наиболее продуктивным представляется разграничение уровней анализа. Социальная опасность – категория социологическая; она относится к любому поведению, нарушающему устойчивость общественных связей. Уголовно-правовая – уже иная. Она обусловлена не просто вредностью, а нарушением конкретного запрета. В отличие от предыдущих подходов, указанное разграничение помогает избежать редукции права к социологии. Между тем, доктрина нередко подменяет одно другим (таблица 1).

Таблица 1
Вариативность понимания общественной опасности в отечественной доктрине (составлено автором)

Подход	Носитель	Ключевой методологический недостаток
Объективный	Объект преступления, вредные последствия	Игнорирование субъективной стороны и формы вины
Системный	Совокупность элементов состава	Тавтология (опасность выводится из самих признаков состава)
Социологический	Социальные отношения в целом	Размывание границ между уголовным и административным правонарушениями

Как видно из представленной информации, каждая концепция содержит внутренние ограничения. На практике смешение уровней анализа усложняет разграничение деликтов. Мелкое хулиганство и нарушение порядка в общественном месте (ст. 20.1 КоАП РФ) по своей социальной направленности близки. Однако граница между административным проступком и преступлением малой тяжести (ст. 213 УК РФ) проводится именно через критерий общественной опасности. Примечательно, что суды нередко испытывают затруднения при её оценке.

В отечественном законодательстве общественная опасность закреплена лаконично. В ст. 14 УК РФ преступление определяется как общественно опасное деяние, запрещенное Уголовным кодексом под угрозой наказания. По существу, это рефлексивное определение: оно указывает на наличие опасности, но не раскрывает её содержание. В связи с этим отметим, что законодатель делегирует правоприменителю значительные полномочия по конкретизации.

Оценочные категории пронизывают всю Особенную часть. Выражения «сравнительно небольшой ущерб», «значительный размер», «тяжкие последствия» встречаются в десятках статей. Предположительно, подобная техника законодательства неизбежна (абсолютная детерминированность в уголовном праве невозможна). Однако в отличие от более ранних подходов, современная криминальная политика требует предсказуемости.

Особенно показателен пример ст. 213 УК РФ (хулиганство) и ст. 20.1 КоАП РФ (мелкое хулиганство). По-видимому, разграничение должно строиться на критериях агрессивности, публичности, дезорганизации. Вместе с тем, в реальности суды нередко выводят на УК РФ поведение, которое формально подпадает под признаки административного проступка. Отсутствие чётких критериев общественной опасности в законе ведёт к произволу. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 23.12.2025) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» лишь частично восполняет данный пробел, давая общие указания, но не конкретные измеримые параметры.

За рубежом проблема квалификации общественной опасности решается иначе. В немецкой доктрине центральным становится понятие Rechtsgut (правового блага, охраняемого уголовным законом). К. Роксин различал материальную и формальную сторону уголовной неправомерности: первая связана с реальным нарушением блага, вторая – с установлением запрета самим законом. По сути, общественная опасность здесь выводится не из абстрактной «вредности», а из системы конституционно значимых ценностей. Это снижает произвол [1].

Французская модель опирается на градацию правонарушений; они разграничены степенью социальной вредности, но критерии закреплены в законе жёстко. Например, сумма ущерба или наличие конкретного результата часто служат формальным рубежом. В отличие от российского подхода, законодатель во Франции избегает масштабных оценочных понятий в диспозициях Особенной части [10]. Как представляется, описываемая техника повышает прозрачность.

Англо-американское право традиционно избегает категории «общественной опасности» как самостоятельного основания ответственности. Между тем, в последние десятилетия в американской доктрине обсуждается концепция overcriminalization (чрезмерной криминализации поведения, не представляющего реальной угрозы). Примечательно, что критика исходит как раз от того, что формальные элементы преступления перестали отражать реальную степень риска [11] (таблица 2).

Таблица 2
Сравнительная характеристика подходов к общественной опасности (составлено автором на основе [1, 4-6, 10, 11])

Правопорядок	Центральная категория	Критерий уголовной репрессии	Роль оценочных понятий
Россия	Общественная опасность	Объём и характер посягательства	Высокая (сравнительно небольшой, значительный и т.д.)
Германия	Rechtsgut (правовое благо)	Нарушение охраняемой ценности	Умеренная (формальная / материальная неправомерность)
Франция	Danger social	Законодательно фиксированные пороги (сумма, тяжесть)	Низкая (жёсткая типизация)
США	Public wrong / social harm	Наличие виновного деяния и разума	Вариативная (зависит от штата и федерального права)

На основании отмеченного подчеркнём, что зарубежный опыт демонстрирует возможность снижения неопределённости. В сопоставлении с российской системой западные модели чаще опираются на формализованные критерии. Это не означает, что отечественное право должно механически заимствовать чужие конструкции. Однако разумно предположить, что некоторые приёмы (в частности, жёсткое закрепление количественных порогов и связь с охраняемыми благами) могут быть адаптированы.

Далее представляется целесообразным предложить следующие меры в составе авторских рекомендаций.

Так, необходимо внести в ст. 14 УК РФ или в примечания к разделу Особенной части перечень критериев общественной опасности:

- масштаб возможного вреда;
- способ совершения деяния;
- роль, положение субъекта;
- степень публичности.

В итоге обеспечится снижение оценочной неопределённости, усиление предсказуемости для граждан, правоприменителей. В отличие от предыдущих подходов, описываемый шаг нацелен не на расширение репрессии, а на её точность.

Помимо этого, следует разграничить категории «социальная опасность» и «уголовно-правовая опасность» на законодательном уровне. Первая относится к основанию любой государственной реакции (уголовной, административной, дисциплинарной). Вторая же – к специфическому основанию уголовной ответственности, обусловленному нарушением конкретного запрета. В результате достигается устранение смешения уровней общей социологии и юридической догматики. Как представляется, это упростит разграничение преступлений и проступков.

Наконец, целесообразно ввести в судебную практику тест пропорциональности уголовной реакции. Если деяние формально содержит признаки состава, однако его общественная значимость ничтожна, уголовное преследование подлежит прекращению. Это предложение соотносится с реализацией принципа гуманизма, который закреплён в ст. 2 УК РФ, а также со снижением нагрузки на судебную систему. Подобные механизмы действуют в Германии и в скандинавских юрисдикциях. Предположительно, адаптация такого института потребует лишь дополнения процессуальных норм, без коренной перестройки материального права.

Заключение

Общественная опасность не может быть сведена сугубо к социальной вредности или к абстрактной политической нецелесообразности. Речь идёт об уголовно-правовой конструкции, которая обусловлена системой охраняемых законом ценностей. История учения о преступлении показывает, что именно в периоды смешения юридических и социологических критериев возрастал произвол.

В настоящее время российское уголовное право переживает этап рекодификации отдельных институтов. Между тем, базовые категории остаются без должной конкретизации. Настоящее исследование помогло выявить, что отсутствие чётких критериев ведёт к неоднозначной судебной практике, к отнесению поведения под УК РФ, адекватно регулируемого административными мерами, и, в конечном счёте, к девальвации УК как крайнего средства государственного воздействия.

Вероятно, дальнейшие изыскания потребуют анализа общественной опасности в сфере киберпреступлений и экологических деликтов, где традиционная модель «реального вреда» сталкивается с рисковыми обществами. Впрочем, это уже тема для отдельного исследования. Лишь на стыке догматики и эмпирики возможен устойчивый прогресс в понимании данной категории. По сути, общественная опасность должна оставаться не «размытым» социологическим образом, а точным юридическим инструментом.

Литература

1. Бессалова Т.Н. К вопросу о сущности общественной опасности // Юридическая наука. – 2023. – №. 11. – С. 284-287.

2. Босхолов С.С., Номоконов В.А. Онтологические и метафизические основы общественной опасности преступлений: о тупике неокриминологии // Всероссийский криминологический журнал. – 2024. – Т. 18. – №. 2. – С. 128-136.

3. Землюков И.С. Общественная опасность наркопреступлений: системный анализ // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2025. – Т. 27. – №. 2. – С. 185-196.

4. Зорин Д.Н., Зорина Н.С. К вопросу о понятии и общественной опасности киберпреступлений // Антропогогика. – 2022. – № 1 (5). – С. 78-81.

5. Лопашенко Н.А. Общественная опасность деяния: верификация невозможна? // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – Т. 19. – №. 8 (165). – С. 127-138.

6. Мирошниченко Д.В. Теоретико-методологическое обоснование общественной опасности деяния в уголовном праве // Lex russica. – 2024. – Т. 77. – №. 10 (215). – С. 59-76.

7. Ондар А.Б.С. Общественная опасность: проблемы определения // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – Т. 18. – №. 6 (151). – С. 85-94.

8. Хилюта В.В. Общественная опасность и криминализация в системе мер безопасности // Вестник Югорского государственного университета. – 2022. – №. 4 (67). – С. 44-50.

9. Хилюта В.В. Онтологические аспекты понимания общественной опасности как признака преступления // Lex russica. – 2024. – Т. 77. – №. 2 (207). – С. 60-69.

10. Хужамбердиев Ф. Модель обеспечения общественной безопасности Франции: институционально-правовой анализ и перспективы применения в Узбекистане // YURIDIK FANLAR AXBOROTNOMASI. – 2025. – Т. 9. – №. 4. – С. 153-166.

11. Munro V.E. Overcriminalization: The Limits of the Criminal Lawby Douglas Husak // New Criminal Law Review: An International and Interdisciplinary Journal. – 2009. – Vol. 12. – No. 2. – Pp. 323-326.

Public danger as a category of criminal law: theoretical and legal analysis

Sorokin A.I.

Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov

The content of public danger in Russian criminal law is still insufficiently defined. Many cases of minor and moderate crimes are returned to the prosecutor due to qualification errors. In this regard, the need for a theoretical and legal understanding of this category is clearly indicated. However, serious contradictions remain in the doctrine. Objectivists reduce danger to harmful consequences; representatives of the systemic approach make it a derivative of the totality of the characteristics of the composition; proponents of the sociological concept identify it with any social harmfulness. In fact, this significantly complicates the distinction between crimes and administrative offenses. The purpose of the article is to reveal the structural elements of public danger and to develop proposals to improve the accuracy of legislative formulations. The work draws on comparative legal material: the German doctrine of the legal good, the French typology of offenses, and the American discussion of excessive criminalization. As a result, the thesis about the non-identity of social and criminal-legal danger is substantiated. It is proposed to introduce a list of formalized criteria in Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation (the scale of possible harm, the method of commission, the degree of publicity). The author's contribution is manifested in the proposal of an integral concept, where formal features are combined with estimated parameters. The materials will be useful for judges and prosecutors in delineating torts.

Keywords: public danger, legal benefit, crime, proportionality test, criminal liability, criminal law.

References

1. Bessalova T.N. On the issue of the essence of social danger // Legal Science. – 2023. – No. 11. – Pp. 284-287.

2. Boskholov S.S., Nomokonov V.A. Ontological and metaphysical foundations of the social danger of crimes: on the deadlock of neo-criminology // All-Russian Criminological Journal. – 2024. – Vol. 18. – No. 2. – Pp. 128-136.

3. Zemlyukov I.S. Social danger of drug crimes: a systematic analysis // Pacific Rim: Economics, Politics, Law. – 2025. – Vol. 27. – No. 2. – Pp. 185-196.

4. Zorin D.N., Zorina N.S. On the issue of the concept and social danger of cybercrimes // Anthropogogics. – 2022. – No. 1 (5). – Pp. 78-81.

5. Lopashenko N.A. Social danger of an act: is verification impossible? // Actual Problems of Russian Law. – 2024. – Vol. 19. – No. 8 (165). – Pp. 127-138.

6. Miroshnichenko D.V. Theoretical and methodological substantiation of the social danger of an act in criminal law // Lex Russica. – 2024. – Vol. 77. – No. 10 (215). – Pp. 59-76.

7. Ondar A.B.S. Social danger: problems of definition // Actual Problems of Russian Law. – 2023. – Vol. 18. – No. 6 (151). – Pp. 85-94.

8. Khilyuta V.V. Social danger and criminalization in the system of security measures // Bulletin of Yugra State University. – 2022. – No. 4 (67). – Pp. 44-50.